

Достоевский - Габен (Стратиевская)

Отношения в этой диаде очень напоминают предыдущую активацию: так же взаимодействуют два интроверта и оба - конструктивисты. (Правда, в отличие от предыдущей пары - позитивисты.) То есть ожидают друг от друга всего только самого лучшего, каждый стремится предложить свою помощь и оказать добрую услугу.

Достоевский очень импонирует Габену своей мягкостью, деликатностью, доброжелательностью. Доброжелательный, услужливый и очень оптимистичный Габен тоже производит приятное впечатление на своего активатора.

Отношения начинают развиваться очень позитивно, и если цели обоих партнёров совпадают, они могут посчитать себя вполне достойными друга друга и довольно быстро узаконить свои отношения: ведь они оба - "стратеги" и довольно быстро могут добиться желаемого, (тем более, что и их позитивизм не позволяет им предполагать какое - то ухудшение отношений).

И тем не менее оно происходит, и вот почему: со временем начинает "ускользать" от Достоевского, отдаляться от него. Это происходит по некоторым причинам:

Габену удобны отношения вне дистанции, в то время как Достоевский держит в общении очень близкую дистанцию, от которой уже старается не отступать. Соответственно, и эмоциональность Достоевского постоянно возрастает, что со временем тоже начинает раздражать Габена, поскольку он сориентирован на эмоциональную манипулятивность Гексли и ему крайне необходимо, чтобы партнёр сам под него эмоционально подстраивался.

Но в том - то и проблема, что Достоевский не может манипулировать своими эмоциями (аспект "этики эмоций" у него находится в инертном блоке), поэтому и Габену приходится "размывать" дистанцию, - он начинает либо отдаляться от партнёра, либо проявляет нарочитое безразличие к его чувствам.

Габен не просто ускользает от партнёра, он как бы "выскальзывает" из ситуации, выходит из отношений, причём, как всякий иррационал делает это спонтанно и непредсказуемо - как например, постоянно манипулирует аспектом аспектом "интуиции времени": может отменить назначенное свидание, или без всякого предупреждения исчезнуть на несколько недель.

Достоевского, сориентированного на педантичного и пунктуального Штирлица такая вопиющая бестактность просто шокирует. Он теряется в догадках, пытается объяснить себе причину такого поведения партнёра и пользуется любой возможностью для того,

чтобы выяснить с ним отношения. (Очень грустный эпизод: девушка - студентка (Достоевский) в ожидании своего друга - Габена прибирается в квартире, приводит себя в порядок и дожидается у телефона его звонка. Поздно вечером, когда её настроение уже окончательно испорчено, он наконец - то звонит и без объяснения причины сообщает, что сегодня он с ней встретиться не сможет. Девушка расстроена, уговаривает его изменить решение, обещает подождать. (Она как рационал уже настроилась на эту встречу и спонтанно изменить свои планы не может. Кроме того, как программный этик, она понимает, что этот человек не дорожит её чувствами и её отношением - а отношения ей очень хочется сохранить). Поэтому сначала она мягко и деликатно пытается уговорить его пересмотреть своё решение (это ей не удаётся), затем пытается выяснить истинную причину изменения его планов, (но истинной причины он и сам не знает - чувствует, что ему не надо к ней сегодня приходить - и всё). Ну а дальше начинаются обиды и упрёки, за которыми следует демонстративное отчуждение. Но вот этого уже Габен старается не допустить - видя, что он её теряет, говорит: "Ладно, подожди, сейчас приеду!" Приезжает под утро.

Так по какой же причине сорвалось свидание?

В первую очередь здесь имеет место несостыковка моделей поведения рационального и иррационального партнёра. Каждый из "активаторов" "запрограммирован" на свой "сценарий" развития отношений. И если Достоевский как всякий рационал настроен на последовательное развитие событий, то Габен как всякий иррационал должен провести своего партнёра через целый "лабиринт" отношений, полный всяких хитростей, уловок, испытаний и путаниц. Только партнёр с очень сильной интуицией может увидеть за всем этим нагромождением непоследовательных поступков совершенно определённую стратегию.

Поэтому и здесь, как и в каждой активационной диаде происходит некоторое смещение доминант: пытаясь прогнозировать поступки Габена, Достоевскому приходится делать большой упор на свою творческую функцию "интуицию возможностей". Программная этика отношений постепенно начинает отходить на второй план по двум причинам: Достоевский замечает, что "этические разборки" очень болезненно воспринимаются его партнёром и, кроме того, со временем он убеждается, что его партнёр - человек верный, преданный, но не слишком обязательный - и это обстоятельство заставляет Достоевского ещё больше полагаться на свою интуицию - то есть действовать гибко, спонтанно - иррационально.

Таким образом, Достоевский начинает набирать подтип Гексли. Вопрос: как глубоко он может наработать этот подтип, как отразится эта "наработка" на его поступках и характере поведения, и как это сцементирует его отношения с Габеном?

Ответ на эти вопросы хорошо проиллюстрирует пример одной супружеской пары, прожившей в активационном браке более шестидесяти лет. (Она - Достоевский, он - Габен.) Познакомились, подружился и полюбили друг друга они ещё в ранней юности. Вместе проводили время в компании с друзьями и как - то очень быстро потянулись друг к другу, так что вскоре все стали их считать женихом и невестой, хотя "невеста"

была ещё почти девочкой и относилась к “жениху” как к старшему брату, (тем более, что оба росли без родителей и были предоставлены сами себе.) Поженились они сразу после революции - он только что отслужил в армии, а она за это время успела подрасти.

А дальше начались новые войны, (в которых он очень активно участвовал) и новая, насыщенная бурными событиями жизнь. Причём, в этих общественных событиях участвовал исключительно он - вёл очень активную и деятельную жизнь экстраверта: воевал, экспроприировал, раскулачивал - словом, дома его никогда не было, но жена и дети относились к этому с пониманием - тогда всем было трудно.

В мирное время он тоже появлялся дома крайне редко - только перекусить и переночевать. Ни выходных, ни отпусков он с семьёй не проводил - всегда находились какие неотложные дела, требовавшие его присутствия. И жена и дети к этому тоже привыкли, притерпелись и воспринимали как должное - время такое.

В своей семье он постепенно оказался на положении квартиранта - мирного, тихого, спокойного - очень удобного.

Спрашивается, где же в этой истории активационные отношения? А они здесь всё время присутствуют, но толк на очень далёкой дистанции, точнее - на оптимальной для Габена дистанции, которую, на протяжении всей своей жизни, он умудрялся всякими правдами и неправдами поддерживать.

К моменту выхода на пенсию, он уже был членом многих общественных организаций (член “уличного комитета”, председатель “дворового комитета” и так далее), так что, дома он опять же появлялся очень редко. (Как и положено “классическому” Габену, он приходил домой, чтобы тут же уйти.)

А что же его супруга? При том, что это была милейшая и добрейшая женщина (Достоевский), со временем у неё всё же испортился характер и она стала буквально изводить домочадцев своими истериками, которые начинались всякий раз, когда её муж поворачивался к ней спиной, чтобы уйти по каким - то своим пустяковым поручениям. (Габен ведь тоже не просто так уходит - сначала он как бы отворачивается от человека, поворачивается к нему спиной и этим как бы отсекает его от общения. Уходит уже не оглядываясь, находясь в каком - то своём, очень закрытом мире.)

Нет, конечно какое - то время они проводили и вместе - сидя, каждый в своём углу, и занимаясь каждый своими делами. Вместе они никогда никуда не выходили - “обстановка праздника” осталась у них далеко в прошлом, в ранней юности, в досвадебную пору.

Так получилось, что каждый из них активизировался сам по себе - она загружала себя домашними делами, он - общественными.

И даже потом, когда он уже состарился настолько, что ему пришлось оставить

общественную работу, он, тем не менее, постоянно "ускользал" из дома, - просто так, чтобы побродить: брал свою кошёлку и отправлялся якобы "на рынок". И это её особенно обижало - как можно уходить на рынок без денег и даже не спросив, что нужно купить?! Она его подлавливала уже у калитки и пыталась вернуть в дом. Или выяснить куда он действительно идёт. Разговор всегда шёл на повышенных тонах и он старался поскорее "ускользнуть", так и не дослушав.

Она так и не научилась манипулировать своими эмоциями. Поэтому, чтобы хоть как - то на него повлиять ей приходилось "взвинчивать" себя до предела. (Была только одна мера, с помощью которой она могла хоть как - то на него воздействовать: ей приходилось подпрыгивала до уровня его лица (она была низенького роста) и кричать, замахиваясь на него кулаками - по- другому он её просто не воспринимал.) Чем больше она на него кричала, тем более спокойным и невозмутимым он казался (типичный "комплекс" Габена - проблематичная "этика эмоций"). К её истерикам он тоже относился "спокойно" - приписывал их возрасту и болезням.

Его отчуждение и холодность причиняли ей колоссальную боль. Она постоянно чувствовала, что он от неё ускользает, как ускользал всю их совместную жизнь, - но ничего не могла с этим поделать.

В последний раз он от неё "ускользнул" за полгода до своей смерти, когда уже совсем перестал её узнавать.

Она пережила его на одиннадцать лет.

Всё эти годы сокрушалась, что он опять оставил её одну, вспоминала прожитую совместную жизнь, (которую считала очень счастливой и благополучной).

Теперь они уже вместе...

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)